

* * *

Как истрачу дни,
Вместо скорби слова
В некролог черкни:
«Никогда и снова».

И шагай с утра,
Но не слишком рано,
Выпить у шатра
Два американо.

Покури взятяг.
И запомни только:
Это вздор, пустяк,
Роковая долька.

Смех оставь на чай.
В лоне улиц мёрзлых
Скройся. Обещай
Мне – не слушать мёртвых.

Цивилизация

У центра пустовала церковь. Речка
Текла с востока, тихая, как речь, как
Несмелый голос прошлого, утрату
Оплакивая. Посмотри на карту.
О городок! Музей миниатюр! Мы
Глядим на север: видим лес и тюрьмы;
Глядим на юг, в гряде солеотвала:
Едва пространства! Потому нам мало
В нём воздуха. И времени. У центра –
Пустая церковь, видимо, уценка
В отсутствие ширин и длин, высоток.
Пейзаж больше, чем удар в висок. Так
Не помогают глазу сон и бренди,
Услышанные краем уха бредни

Под узким, как растяжка, небом. Запад
Пылал закатом. Всем привычный запах
Витал над площадью автовокзала.
Никто не замечал, как угасала
Цивилизация. Скамейки сквера
Что зубы старика. Кончалась эра.
Ничто не сохранить. Ограды прутья
Не сберегут от вечности. Не будь я
Одним из смертных, лучше не сказал бы.
У центра пустовала церковь. Залпы
Беззвучия взрывали её купол
В той мере, как заполнен домик кукол
Бездушием. И звёзды словно грозди.
И ночь вбивает в крест кривые гвозди.

Олеся

Тьма с Олесей давно знакома.
Тьмой Олеся извне влекома.
Смерть вдыхает её через рот
Або наоборот.
«Человечество – это плесень», –
Повторяет во тьму Олеся.
Тьма в ответ произносит: «Азь есмь.
Это тоже болезнь».
Смерть целует Олеся в темя.
Словно кровь, застывает время.
Перевернутый сумрак вверх дном
Говорит на родном
Языке для неё. В истоме
Растекаются звуки. Кроме,
Льётся смеха бурлящий ручей
Через контур плечей.

Да, Олеся, теперь ты дома.
Чувством дома ты лишь ведома.
И пока темнота холодна,
Ты не будешь одна.

* * *

Бог выпал с первым снегом. Смерть его к
Моменту времени – не более чем признак
Спиральности: виток – виток – виток.
Стоишь и смотришь, как над снегом призрак
Парит, полупрозрачный, и ему
Не страшно больше. А тебе – до дрожи.
От смерти, снега, Бога. Но к чему
Волнения? Ведь вы одно и то же.
И застывают лужи, но у льда
Твои черты: беспомощность и холод.
И тени уплывают в никуда:
От снежности. От времени. Тебя от.

* * *

Теперь я разговариваю редко:
Границы расширяет западня.
Тьма падает, как будто табуретка
Из-под ноги упущенного дня.
Кровь остывает медленно, но верно.
Ноябрь. И не расскажешь никому,
Как черепа щербатая каверна
Вбирает внутрь отравленную тьму.

* * *

Никто не застрахован, бро,
И в этом корень драм.
Прости Адамово ребро,
Коль скоро ты Адам.
В удушье штатной тошноты
Заштопай штольню рта.
Страшной разрозненной четы
Последняя черта.
Никто не должен никому.
Прими сей мир чудной.
Иди по тьме из тьмы во тьму
И слейся с тишиной.

* * *

Мы ляжем в мерзлоту,
Неузнанные птицы,
В серебряном поту
Надпочвенной росы.
На диалекте рыб,
Вонзая в связки спицы,
Познаем песни глыб,
Молчания азы.
Покорно камней,
Стелись своей спиной,
В подцарствие теней
Произрастай, тянись.
Распластанный герой,
Ты был никем и мною,
Укрой себя корой
И опускайся вниз.

* * *

В бараке пахнет деревом – сосной.
Поговори, похмелие, со мной.
Куда нас занесло, чёрт сломит ногу!
Не рвись, не рвись в обратную дорогу.
Принятие – учиться есть чему.
Вдыхай со мной колымскую чуму.
Как небосвод убийственно расхристан!
Пей из ручья перворождённых истин.
Поговори со мной, поговори,
Рельеф изъели сопки-волдыри,
И лиственницы шепчутся на сопках.
Гадай с утра на опустевших стопках.
Календари не различают дат,
Зато ни обретений, ни утрат.
Ромашки расцветают на обоях,
Пытаясь успокоить нас обоих.
Что там осталось, в сущности, вдали?
Любимые, которых подвели,
Родные непросевшие могилы
И полная потеря всякой силы.
Гроб тоже пахнет срубленной сосной.
Поговори, похмелие, со мной.
Мы убежали, чтобы безоглядно.
Молчишь? И ладно.

Мальдяк

Латунных лиственниц ключицы
В опавших сумерках дрожат.
Замри, мерзляк, пусть ночь промчится,
Пока ты не совсем прижат

К колючей проволоке снега
Своей щетинистой щекой,
Где оберегом от побега
Прописаны кайло с киркой,
Где долочёные долины
Усердно давятся дресвой,
Где годы непреодолимы,
Где месяц, словно сам не свой,
На ржавый гвоздь снимает робу
И обессиленно басит.
Где каждый холмик помнит Кобу
И Кобе помнит за визит.

* * *

Снег уже не растает до мая,
Впору валенки из кладовой
Доставать. Я скучал, как, зима, я
Тосковал по тебе, родовой
Травме, то есть по первой по самой,
Ностальгической боли моей,
Недоплаканной, недосказанной.
Добивай же смелее! Смелей.

* * *

Вот так причудливо тасуется колода:
Родных не видел половину года,
А кажется, не видел никогда.
По скулам оловянная вода
Стекает в сторону безречевого брода.
Где плоскогорье спит, седобородо,
Черна золотоносная руда,
Там осязаем линзой изо льда
Взгляд Господа совсем иного рода.